

Укротила скудость мой речистой язык,
 иссушила печаль мое лице и белое тело, —
 ради того мое сердце невесело,
 а белое лице уныливо,
 и ясные очи замутились, —
 все имение и взоры у мене изменилися,
 отечество мое потерялося,
 храбрость молодецкая от мене миновалася.

Здесь многое не совпадает с картиной, представленной в песне, — прежде всего потому, что взяты разные сферы жизни, разные конкретно-социальные выражения одного конфликта. Но в то же время в судьбе героев очень много общего. Очевидно, что и в песне конфликт начинается в семье и затем, расширяясь, захватывает все стороны бытия героя. Если сюжет «Повести» строится как рассказ о судьбе человека, выступившего против родительской морали, спорящего с ней, уходящего из семьи, то в песне герой становится в противоречие явно со всем комплексом установленных жизненных норм. Он, повидимому, молод, но он уже вошел в жизнь, и разрыв его со своей средой нельзя объяснить так, как это делает «Повесть»:

Молодец был в то время се мал и глуп,
 не в полном разуме и несовершен разумом:
 своему отцу стыдно покориться
 и матери поклониться,
 а хотел жити, как ему любо.

Песенному молодцу уже не нужны советы — знаться «с мудрыми», водиться «с разумными»: песня показывает его в начале в кругу «разумных», и сам он принадлежит к этому кругу.

Народная песня взяла, следовательно, иную жизненную ситуацию, быть может, более острую, чем в «Повести». Песня не только делает своим героем человека, уже обладающего определенным жизненным опытом, занимающего высокое положение, но и придает конфликту широкий характер, перенося его в сферу отношений с церковью, с царем, с обществом.

Однако песня не раскрывает важного момента: что же совершил добрый молодец? В какие конкретные поступки вылилось его противодействие окружающим? За что он так беспощадно наказан? Было бы неверно относить отсутствие ответов на все эти вопросы на счет дефектности текста. Мы убеждены, что запись Кириши Данилова превосходно сохранила первоначальный и полный вид песни и последняя не требует никаких реконструкций. В данном случае надо учитывать специфику произведения как песни, нужно принять во внимание его песенную природу. Если в самом методе разработки темы у песни и «Повести» есть нечто общее, то объясняется это, конечно, воздействием песенной поэтики на повесть. Но в песне эта поэтика более последовательна и органична.

В обоих произведениях нет ни конкретных, ни косвенных указаний на место и на время действия. Нет также тенденции как-то определенно представить героя; это — добрый молодец, у него нет имени, и биография его лишь угадывается. Такая отвлеченность от эмпирической достоверности, отказ от внесения житейских подробностей, от точных соотношений с конкретными фактами, налет известной недоговоренности, перевод изображения жизненных обстоятельств в план условный есть не что иное, как своеобразный метод художественного обобщения действительности. В «Повести о Горе-Злочастии» условный план тоже налицо, но он постоянно пересекается эпизодами ярко-бытового, житейски-конкретного порядка.